

не понимаю, с этим я не могу согласиться, я не могу так с Тобой говорить, я не могу этого чувствовать по отношению к людям, которые вокруг меня или по отношению к себе самому!» В других местах молитва будет стоять передо мной, как суд. Да, «Отче наш»: оставь мне мои грехи, как я их оставляю тем, которые передо мной виноваты... Могу ли я это сказать? А если не могу, что я Богу скажу? Я могу Ему только правду сказать. Ведь словам моим Он не поверит; Он знает мое сердце, знает мои мысли, знает мою жизнь, слышал каждое слово, которое я сказал тому или другому человеку, унижая, обижая его, окутывая его ложью. И для этого надо найти слова покаяния, но они опять-таки должны быть честны. Мы можем сказать: «Господи, да, простить не могу и даже каяться не могу. Помоги мне, научи меня!» Или можно сказать: «Господи, мне стыдно, а почувствовать не могу и измениться не могу». Есть множество таких выражений в молитвах, которые могли бы быть для нас пробными камнями. Мы тогда начали бы узнавать себя, как бы глядя в зеркало, показывающее нам тот совершенный образ, к которому мы призваны, образ Божий, запечатленный в наших глубинах, и тот изуродованный Божий образ, который является действительностью нашей души в данный момент. Все это очень важно, потому что это попытка, с одной стороны, узнать себя самих, какие мы есть, и с другой стороны, уйти глубже, чем этот эмпирический, относительно легко познаваемый человек, в те глубины, где настоящий образ Божий вписан, запечатлен Божией рукой.

Если так жить, если так поступать, то можно действительно сделать из молитвы жизнь и из жизни постоянную молитву.

Нам говорится, что при чтении Иисусовой молитвы мы должны осознавать биение нашего сердца и молиться как бы на фоне этого биения, потому что нам нужен какой-то якорь, который нас держал бы на краю молчания, или сознание того, что мы тонем, что мы подобны Петру, который пошел по волнам ко Христу и в ком, вместе с тем, не нашлось достаточной свободы от страха, от окружающего волнения, чтобы идти дальше и не тонуть. И он воскликнул: «Господи, спаси!»

Молиться можно только из недр внутреннего молчания или из сознания отчаянной своей нужды в том, чтобы Бог спас. И когда мы так воззовем ко Христу, случится и с нами то, что случилось с Петром: Спаситель взял его за руки и они оказались у самого берега.»

По всем вопросам церковных треб обращайтесь на нашу интернет-страницу: <http://www.nycathedralofsign.org/>. Вы также можете позвонить отцу Андрею по телефону: (646) 320-7382. РЦЛ

ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОКЪ

№ 38 (599): September 15, 2024

СВЯТОДАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ЗНАМЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ

75 East 93rd Street
New York, NY 10128-1390

Телефон: (212) 534-1601.
www.nycathedralofsign.org
по благословению настоятеля Собора Митрополита Илариона, Первоиерарха РПЦЗ

Сегодня двенадцатая неделя по Пятидесятнице. Предлагаем Вашему вниманию продолжение беседы митрополита Сурожского «Пути христианской жизни»:

«В течение дня каждому из нас приходится встречаться со множеством людей, заниматься множеством вещей, делать разные дела. Что нам делать? как нам быть? как не терять тот внутренний строй, который мы, может быть, хоть на время получили в течение утреннего молчания, утренней тишины?

В минуты перерыва мы можем заняться восстановлением внутренней тишины. Мы не все время мечемся; мы не все время разговариваем с кем-нибудь; мы не все время что-то делаем. Но если даже мы делаем многое, есть эти минуты перерыва. А иногда можно эти минуты перерыва и создавать.

Всякая встреча может быть встречей под Божиим покровом, может быть встречей, в течение которой я должен что-то принести другому или должен от другого нечто получить. И потому, если мы к каждой встрече, к каждому событию нашей жизни будем относиться так, то окажется возможным – что бы ни получалось, что бы ни случилось – не терять связи с Богом.

Не обязательны такие встречи, где мы говорим друг другу «вечные истины», что-то особенно важное, а мгновение, когда мы можем человеку, у которого на лице написана тревога или горе, улыбнуться или просто на него так посмотреть, чтобы он понял, что мы его увидели, что он существует, что он не пустое место. Всякая встреча может быть действительно встречей, в полном смысле слова, не столкновением и не мимолетным прикосновением, а настоящей встречей лицом к лицу.

Вы, наверное, помните рассказ о том, как Христос исцелил слепорожденного. Ведь подумайте: этот человек открыл глаза, и первое, что он увидел после долголетней слепоты, был взор Божий, покоящийся на нем. В этом взоре он увидел и сострадание, и любовь, и радость... И каждый из нас (в каком-то смысле и, конечно, в очень небольшой ме-

ре) может по отношению к другому быть таким взором, таким слухом, таким пониманием, таким благоговейным молчанием.

Если мы считали бы, что каждая встреча значительна, каждый человек значителен, то и наша жизнь обогатилась бы, потому что пустых встреч не было бы, и жизнь вокруг нас стала бы глубокой и богатой содержанием. И тогда ни в какой момент не могло быть того, что мы так болезненно переживаем: потери себя самого и утраты Бога. Мы себя не теряли бы, и Бог не исчезал бы из нашего сознания или из нашего внутреннего восприятия. Это очень важно. Я помню одну монахиню, которая в своем дневнике написала: «Господи, по обстоятельствам моей жизни я не в состоянии бывать в церкви столько, сколько бы хотелось, читать Священное Писание и молиться, потому что нахожусь постоянно среди людей. Но одному я научилась: что каждый человек является Твоим образом. И глядя на каждого человека, я молюсь Тебе, общаясь с каждым человеком, я ему служу, словно служу Тебе лично...» Как собрана была бы наша жизнь, если хоть отчасти мы могли бы так относиться друг к другу и к себе самими! Тогда, с наступлением вечера, мы могли бы стать перед своей совестью, и перед своей жизнью, и перед Богом, и перед лицом всех людей, кого мы встретили, опять-таки не с чувством, что день прошел пустым, а с чувством – да, было хорошее и дурное, было добро и зло, было упущенное и совершенное. Мы могли бы стать перед своей совестью и покаяться: да, я растратил такие-то возможности, я прошел мимо таких-то людей, я себя потерял в такие-то моменты... И к Богу могли бы повернуться и сказать: «Прости, Господи! Ты меня послал в гущу этой жизни, и это было напрасно. Ты на меня понадеялся, и я не оправдал Твои надежды...

Эта встреча должна быть моим даром этому человеку или его даром мне, но не может быть ничем иным, и этот дар должен быть святым даром».

Бывают моменты, когда дар, который мы даем или получаем, мучителен. Не всегда легко услышать правду о себе. Я не знаю, труднее или легче человеку сказать правду о нем, уж во всяком случае нелегко ее сказать так, чтобы эта правда была целительной, а не стала бы раной, нанесенной душе этого человека. И поэтому мы должны начать всякую встречу быстрой, искрометной мыслью: Господи, просвети мой ум!.. И также молить Бога о том, чтобы нам стать способными слышать то, что Бог через этого человека хочет нам сказать. Он мне, может быть, правду хочет сказать или дать опыт униженности; Он может мне послать оскорбление, чтобы я познал, до чего я неспособен к смирению, кротости, прощению обид... Даже то, что кажется злом, приходящим в нашу жизнь, является **всегда** даром, если только мы сумеем это зло воспринять как дар, как обстоятельство, при котором мы можем стать тем, к чему нас призывает Господь.

Но есть еще другое.

Нам даны молитвы святых, которыми мы можем пользоваться, но мы должны ими пользоваться с добросовестностью и серьезно, правдиво.

Каждая молитва в молитвослове, надписана она именем того или другого святого или нет, в какой-то момент вырвалась из живой души человека, как кровь бьет из раны. Это был момент восторга, радости, благодарности или покаяния или отчаяния, но это всегда был искренний крик души. И поэтому каждая молитва содержит опыт, который, наверное, превосходит опыт каждого из нас. Никто из нас не может сравниться с Василием Великим, Григорием Богословом, Иоанном Златоустом, Марком Подвижником, Симеоном Новым Богословом и т.д., но каждый из нас в каждой из этих молитв может уловить нечто, что он уже опытно знает, чему он хоть с края прикоснулся. Ожидать, что мы можем прочесть все молитвы утреннего или вечернего правила, сливаясь с мыслью, с чувством, которые в них вложены, немислимо. Дай Бог, чтобы мы могли слиться с опытом одного из этих святых, выраженным в одной из этих молитв. Но ожидать, что мы можем слиться с опытом одного из этих святых в целом ряде его молитв и тем более с опытом целого ряда святых – невозможно. Поэтому мы должны относиться к этим молитвам, как к школе, раскрывающей перед нами опыт таких людей, которые нас безмерно превосходят, но которые, будучи людьми, все-таки нам сродни. Вот та или другая молитва. Я ее прочту внимательно, ставя перед собой вопрос: что я уже могу сказать искренне, правдиво, изнутри своего опыта? Тут одна фраза, одно слово задевает мою душу. Что в эту молитву вложено, какое знание о Боге, о себе самом, о жизни, о людях? что я знаю похожее, что роднит меня с опытом данного святого?..

Так надо ставить вопросы не в момент, когда уже будешь совершать эти молитвы, а в какие-нибудь интервалы, когда есть время. А время – я повторяю – у каждого из нас есть, потому что мы очень много времени растрчиваем впустую, даже не в свое удовольствие, а – тоскуя о пустоте жизни, о пустоте своей души и сердца. Если мы так задумаемся над той, над другой молитвой, мы начнем в каждой из них что-то прозревать, что-то узнавать и приобщаться к опыту того или другого святого. И когда мы будем читать утренние или вечерние молитвы, некоторые из них мы будем читать уже от сердца и от ума. Нам будет казаться, что все содержание мы можем сказать от себя, хотя это будет только в нашу меру, но вполне искренне и правдиво. Другие молитвы мы сможем читать честно: прочитав то или иное предложение, остановиться и сказать: «Господи, нет, этого от себя я сказать не могу, этого я